

Постников Иван Николаевич

**Граф А. А. Аракчеев по
сохранившимся в Бежецке
воспоминаниям**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Николаевич П.**
Граф А. А. Аракчеев по сохранившимся в Бежецке воспоминаниям / Постников Иван Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 36 с.

ISBN 978-5-519-79238-7

ISBN 978-5-519-79238-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

какъ можно судить по приведенной надписи на ризѣ. Но если предположить, что бѣдная по матеріалу и грубая по работѣ риза съ безграмотною надписью на ней не аракчеевская, а сдѣлана кѣмъ либо потомъ изъ уваженія къ памяти Аракчеева и его тетки, то можно будетъ заключить, что это— одна изъ домашнихъ иконъ Аракчеева, переданная имъ Жеребцовой, а послѣднюю пожертвованная въ соборъ на память о графѣ. Тогда на иконѣ нельзя будетъ не видѣть слѣда еще болѣе глубокой привязанности Аракчеева, его привязанности къ извѣстной Настасѣ Минкиной.

Такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ своими реликвіями могущественный графъ оставилъ въ родномъ своемъ городѣ память о себѣ и о наиболѣе глубокихъ своихъ привязанностяхъ.

I.

Родившись въ селѣ Курганахъ, въ 40 верстахъ отъ Бѣжецка, Аракчеевъ до конца своей жизни сохранилъ расположеніе къ своему уѣздному городку.

Связывали его съ Бѣжецкомъ прежде всего воспоминанія дѣтства. У Аракчеевыхъ былъ здѣсь свой домъ. Со службами и садомъ онъ занималъ нѣсколько номеровъ по нынѣшней Христорожественской улицѣ противъ зданія женской гимназіи. Въ этомъ домѣ, куда временами, по зимамъ, наѣзжала изъ имѣнія семья Аракчеевыхъ, на дѣтскую душу Алексѣя Андреевича ложились первыя впечатлѣнія городской жизни. Здѣсь происходило первое знакомство мальчика съ разными формами общественнаго быта. Здѣсь подъ вліяніемъ этого знакомства складывался характеръ будущаго государственнаго дѣятеля. Домъ былъ не великъ, всего въ три окна по фасаду, и отъ сосѣднихъ обывательскихъ домовъ отличался исклю-

чительно нѣкоторою оригинальностью своего крыльца съ его круглыми окнами. Теперь этого крыльца уже нѣтъ. Въ остальномъ домъ сохранился донинѣ. И только сталъ нѣсколько, на аршинъ — на два, ниже отъ времени. Въ началѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія наслѣдниками брата Аракчеева, Андрея Андреевича, домъ этотъ былъ проданъ майоршѣ Коноваловой. Затѣмъ перешелъ къ купцамъ Душкинымъ, устроившимъ въ немъ небольшую табачную фабрику. Душкины нѣсколько измѣнили въ немъ расположеніе комнатъ. Теперь домъ этотъ принадлежитъ мѣщанину И. А. Пошкову.

Но болѣе, чѣмъ дѣтскія воспоминанія и впечатлѣнія, привязывала графа къ Бѣжецку живая связь, его любимая тетка Настасья Никитишна Жеребцова. И посейчасъ еще помнятъ въ Бѣжецкѣ эту властную, некрасивую, но очень умную и добродушную старуху, ея открытую жизнь и приемы, на которые съѣзжалась не только мѣстная знать, но зачастую и губернскія власти, а иногда даже и столичныя. Старушка своею близостью къ Аракчееву сильна была. Имѣнье Жеребцовой было почти подъ самымъ городомъ. И это давало ей возможность большею частію проживать здѣсь. Домъ ея на углу Постоялой улицы и Воздвиженскаго переулка цѣлъ и теперь. Это — большой сравнительно и красивый домъ. Теперь онъ во владѣніи купца Сергѣева. Умерла Жеребцова въ началѣ 1839 года, семидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, и похоронена на Бѣжецкомъ кладбищѣ. При недавнемъ расширеніи Кладбищенской церкви могила ея попала подъ новый алтарь храма. Куда дѣлся памятникъ съ этой могилы, довольно красивый и дорогой памятникъ изъ чернаго мрамора, неизвѣстно. Говорятъ, онъ поставленъ на какой-то братской могилѣ, при чемъ бывшая на немъ надпись счищена и сдѣлана новая, къ Жеребцовой отношенія не имѣющая.

Въ своихъ привязанностяхъ Аракчеевъ отличался, какъ извѣстно, особою твердостью и постоянствомъ. И лица, умѣвшія привязать его къ себѣ, могли имѣть на него большое вліяніе. Такимъ вліяніемъ Жеребцова обладала едва ли не больше, чѣмъ кто-либо.

Бѣжичане „случаемъ“, конечно, пользовались. Мѣстные чиновные люди раболѣпствовали передъ Настасьею Никитишной и боялись ея. И Жеребцова обращалась съ ними властно и относилась къ нимъ свысока, хотя подвернись случай выдвинуть ихъ или попади они въ бѣду,—и она была первою за нихъ заступницей и ходатайницею. Въ своихъ отношеніяхъ къ остальному мѣстному люду не чиновному,—къ неслужилому дворянству и къ городскимъ обывателямъ, Жеребцова всегда была доступна и ласкова, хотя въ каждомъ проявленіи ея добродушія и ласки непременно сказывалось сознаніе своей силы и превосходства.

Наѣзжалъ Аракчеевъ въ Бѣжецкъ не рѣдко,— раза по два, по три въ годъ, а иногда и чаще.

Въ собственномъ аракчеевскомъ домѣ проживала семья брата Алексѣя Андреевича,—Андрея. Домикъ, какъ видѣли уже мы, былъ небольшой. И потому останавливался графъ въ свои наѣзды не въ немъ, а у Настасьи Никитишны. У ея дома въ этихъ случаяхъ для почетнаго караула всегда ставилась особая будка и посейчасъ памятная старожиламъ. Каждый пріѣздъ Аракчеева, хотя онъ и не былъ рѣдкою для Бѣжецка, вызывалъ въ городѣ большія волненія. Все, что несло какую нибудь общественную службу, подтягивалось. Чистились мѣстные учрежденія, чистились площади и дороги, чистились улицы у обывательскихъ домовъ. Словомъ, чистилось всюду, гдѣ только было возможно.

Въ день прїѣзда Аракчеевъ отдыхалъ. На другое утро начинали являться къ нему представители дворянства, соборный протоіерей и именитое купечество съ выраженіемъ своихъ чувствъ и для принесенія поздравленій съ благополучнымъ прибытіемъ. Графъ при прїемѣ живо интересовался новостями городскими, незатѣйливою жизнію города и всегда несложными дѣлами сословій. И настолько отзывчиво и добродушно входилъ въ сравнительно бѣдные мѣстные интересы, что въ немъ положительно не возможно было узнать того сильного государственнаго чловека, того грознаго могущественнаго временщика, какимъ знала Аракчеева столица, предъ которымъ трепетали часто лица съ высокимъ, выдающимся общественнымъ положеніемъ.

Лица наиболѣе почетныя или такія, которыхъ по какимъ либо соображеніямъ желала выдвинуть въ глазахъ могущественнаго гостя Настасья Никитишна, обычно при такихъ представленіяхъ оставались къ завтраку или же приглашались къ обѣду. Люди, наиболѣе нравившіеся Аракчееву и хорошо знакомые ему по прежнимъ прїѣздамъ, собирались особымъ приглашеніемъ Жеребцовой вечеромъ и составляли графу партію по карточной игрѣ.

За этими скромными завтраками, обѣдами и картами у Жеребцовой не мало, говорятъ, пристроилось на разныя должности дворянскихъ недорослей по просьбамъ ихъ отцовъ и родственниковъ, не мало упорядочилось къ общему удовольствію отношеній разныхъ городскихъ обывателей къ своему городничему, къ капитанъ-исправнику и къ разнымъ другимъ властямъ и учрежденіямъ.

II.

Насколько легко и просто это обдѣлывалось, можно судить по слѣдующему случаю.

У одного изъ бѣжецкихъ обывателей, довольно виднаго по тому времени купца Тыранова, или Чернова, какъ его чаще называли, установились между прочимъ сравнительно крупныя торговыя сношенія съ сосѣднимъ Рыбинскомъ. Тырановымъ заведены были тамъ склады мѣшка для волжскаго хлѣба, изстари славившагося бѣжецкаго льна и другихъ мѣстныхъ продуктовъ. Дѣло было налажено и могло бы итти очень бойко. Но, Богъ вѣсть — почему, — не умѣлъ ли Тырановъ поладить съ Рыбинскими властями на благодарной почвѣ широко тогда поставленныхъ разнаго рода подношеній и безгрѣшныхъ доходовъ, замѣшались ли тутъ интриги рыбинскихъ купцовъ, недовольныхъ вторженіемъ въ ихъ среду пришельца Бѣжичанина, еще ли по какой причинѣ, но только Рыбинскій городничій началъ на него насѣдать и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе. И это при извѣстной силѣ городничаго служило для Тыранова громаднымъ тормазомъ въ его торговлѣ и источникомъ постоянныхъ душевныхъ испытаній и очень ощутительныхъ матеріальныхъ невзгодъ.

Выбившись изъ силъ въ неравной борьбѣ съ такими осложненіями, Тырановъ рѣшилъ прибѣгнуть „къ случаю“. И воспользовался имъ при первомъ же пріѣздѣ Аракчеева, которому онъ былъ извѣстенъ и раньше.

Въ одинъ изъ вечеровъ у Жеребцовой Тырановъ игралъ съ графомъ въ карты.

Закусывая по окончаніи партіи, Алексѣй Андреевичъ ласково и съ видимымъ расположеніемъ обратился къ Тыранову:

— Ну, старикъ! Какъ твои дѣла? Семья? Торговля?

— Благодарствую, ваше сіятельство. Богъ грѣхамъ терпитъ. На семью пожаловаться не могу. Ре-

бята покаместо радуютъ. Не скалдырники. И по дѣламъ прокъ изъ себя видимо общають. Слава Богу, батюшка-графъ! Слава Богу!

— Ладно же! Радъ за твою семью. Ну а торговля? Вѣдь ты, какъ помнится, ленкомъ да хлѣбомъ промышлялъ?

— Такъ точно, ваше сіятельство. Нельзя бы, кажись, и на дѣла пожаловаться. Лѣта Богъ даетъ урожайныя. Цѣны на низу на хлѣбъ стоятъ хорошія. Мѣшокъ нашъ бѣжецкій въ спросѣ. Съ ленкомъ тоже не плохо. Все бы хорошо, да одно, ваше сіятельство, батюшка-графъ.....

И старикъ политично при всемъ своемъ кажущемся прямотою замаялся, какъ бы затрудняясь высказаться. Аракчеевъ посмотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Что же? Ужъ не старуха ли твоя тебѣ измѣнила?— пошутилъ графъ.

— Что, ваше сіятельство, старуха?! Вѣстимо, шутить изволите. Съ Рыбной у меня не совсѣмъ ладно, батюшка-графъ. Очень даже не веселитъ. А дѣло у меня тамъ большое. Года съ три тому назадъ я обзавелся въ Рыбинскѣ-то складами по своей торговлѣ...

— Ну и чтоже? Не пошли что-ли?

— Нѣтъ. Ходко пошли спервоначалу то. Это то, признаться, меня и втянуло позатратить капиталъ. Думалъ, живо верну и понаживусь. А вышла заминка.

— Конкурренты?

— Нѣтъ, не конкурренты, ваше сіятельство. Тамъ что конкурренты?! Тамъ мѣсто бойкое. На всѣхъ хватить. Городничій новый назначенъ. Вотъ вся причина.

— Какъ такъ?— заинтересовался графъ.

— Прежній то былъ хорошъ ко мнѣ. А этому все не ладно. Ничѣмъ не угодишь. А въ нашемъ дѣлѣ, вѣдомо вамъ, городничій сила большая. Подвезутъ отселева ленъ, мѣшокъ, хлѣбъ,—а онъ разрѣшенія на разгрузку то и не даетъ. А межъ тѣмъ у меня тамъ скопится подводъ пятнадцать—двадцать съ товаромъ то, а иной разъ и болѣ. И стоятъ онѣ, подводы то, неразгруженными и день, и два, и недѣлю, пока его благородіе не смилуется. А чего стоитъ содержать тамъ столько лошадей, да столько же возчиковъ, не говоря уже объ остановкѣ въ торговлѣ? Сами посудите, Ваше сіятельство! А то по осени такой былъ случай. Въ самый, что ни на есть, разгаръ дѣла взялъ господинъ городничій, да не вѣсть съ чего, склады то наши и заперъ. Люди торгуютъ во всю, а мы сидимъ да смотримъ. Да такъ самое то дорогое время и ушло. Убытку вышло—и не счесть. Хотѣлъ было совсѣмъ тогда съ Рыбной то порѣшить дѣла, да ребята уговорили повременить. Но видно, дѣло къ тому идетъ, ваше сіятельство.

— Можетъ, самъ виноватъ? Не все въ порядкѣ? Правиль торговыхъ не соблюдаешь?

— Головой, ваше сіятельство, поручусь,— все въ исправности. Почитай полста ужъ годовъ торгуемъ. Порядки знаю. И законы блюдемъ. Ни въ одномъ нарушительствѣ еще уличенъ не былъ, батюшка-графъ. А посѣдѣлъ вотъ ужъ на дѣлѣ-то.

— А какъ на счетъ взятокъ? Давалъ? Или, можетъ быть, мало?

— Грѣшенъ, ваше сіятельство. И приношенія предлагалъ. На томъ стоимъ. Да и ихъ ужъ господъ городничихъ извѣстно такое положеніе. И много предлагалъ, ваше сіятельство. Да что? И не смотритъ. Кричитъ. Ногами топаетъ. А послѣдній разъ такъ чуть было даже не вытолкалъ. И на глаза не ве-

лѣлъ попадаться. Такой бѣдовый да горячій,—и не приведи Богъ!

— Не жаловался на него?

— Это на городничаго то? Нѣтъ, ваше сіятельство. Куда ужъ намъ на господина городничаго жаловаться. Мы и подумать то объ этомъ боимся, не то что жаловаться.

— Что же ты самъ то думаешь? За что онъ тебя тѣснитъ?

— И ума не приложу, батюшка-графъ. Одно, что лукавый по грѣхамъ нашимъ путаетъ.

— Ну, не горюй, старина!—улыбнулся графъ. Какъ нибудь дѣлу поможемъ.

— Вѣкъ за себя заставите Бога молить, ваше сіятельство.

Разговоръ перешелъ на другой предметъ и сдѣлался общимъ.

Къ 11 часамъ гости расходились по домамъ. Старика Тыранова Аракчеевъ удержалъ. Велѣлъ подать бумаги и чернилъ. Написалъ пять—шесть словъ и, сложивши клочекъ, подалъ старику.

— Вотъ тебѣ! Отвези Рыбинскому городничему, авось онъ къ тебѣ подобрѣе будетъ.

— Осмѣлюсь попросить, батюшка-графъ. Надпишите вы посланьице то и, если милость ваша графская будетъ, припечатайте. Не приметъ такъ то господинъ городничій. Можетъ не дать вѣры.

— Дастъ, старина, вѣру! Дастъ! Приметъ! Бери и поѣзжай съ Богомъ.

Черезъ день—два Тырановъ смиренно входилъ къ Рыбинскому городничему. Приемъ былъ не изъ ласковыхъ.

— Тебѣ, борода, что? Опять лѣзешь! Вѣдь тебѣ сказано: не докучать мнѣ! Забылъ? Я тебѣ покажу...

И дальше въ крутыхъ и по своему очень отборныхъ выраженіяхъ слѣдовало, что именно господинъ городничій хотѣлъ показать злополучному просителю. Грозная рѣчь по модному тогда городническому обычаю сопровождалась не менѣ грозными энергичными жестами и движеніями. Еще немного и, очень вѣроятно, движенія эти и жесты совсѣмъ близко коснулись бы старика, вызвали бы въ немъ въ дополненіе къ плохому душевному состоянію непріятныя физическія ощущенія и, пожалуй, оставили бы даже слѣды. Это тоже тогда было въ большой модѣ. Но Тырановъ рѣшилъ не дожидаться. И поторопился вынуть и протянуть арапчеевское письмо.

Разсчетъ былъ вѣренъ. Видъ письма далъ гнѣвной рѣчи нѣсколько другое направленіе.

— Это еще что? — загремѣлъ городничій.

— Посланице вашему благородію отъ благодѣтеля моего...

— Ахъ вотъ что! не далъ договорить городничій. Раньше деньгами хотѣлъ взять. Теперь со стороны благодѣтелей заходишь. Я жъ тебя и съ твоими знакомцами!.. Я тебѣ покажу посланице!.. Да я тебя въ бараній рогъ согну! Туда тебя упеку, что...

И снова полилась суровая рѣчь съ отборными выраженіями. Вырванная изъ рукъ Тыранова записка полетѣла на полъ. Разгнѣванный городничій плевалъ на нее. Топталъ ее ногами. И какъ будто находилъ даже въ этомъ какое то особое, ему одному понятное наслажденіе.

— Вотъ мнѣ твое посланице! Вотъ мнѣ твои знакомцы и благодѣтели!

Конечно, будь это какой либо почтеннаго вида пакетъ за печатами и формой установленными надписаніями, такой не деликатности въ обращеніи съ нимъ не произошло бы. Пословицы „по одежкѣ встрѣ-

чають“ и тогда придерживались. Но валявшійся на полу клочекъ бумаги такой былъ маленькій, такъ непозволительно небрежно былъ сложенъ и до того своимъ неприличнымъ видомъ оскорблялъ особу начальника города, что, признаться, лучшаго отношенія къ нему и ожидать нельзя было.

Тырановъ выждалъ паузы въ суровой рѣчи и грозныхъ движеніяхъ городничаго.

— Поднимите, ваше благородіе, посланьице-то! Какъ бы не быть вамъ въ отвѣтъ! Не вышло бы чего! Это—отъ его сіятельства графа Алексѣя Андреевича Аракчеева.

— Что?—загремѣлъ городничій. Я тебѣ покажу Аракчеева! Всякій мужикъ, аршинникъ... да тоже Аракчеева!..

Однако фамилія была изъ тѣхъ, что однимъ уже звукомъ своимъ способна была до извѣстной степени отрезвить человѣка и навести на опасливыя размышленія.

Хотя и отнесся городничій болѣе, чѣмъ недовѣрчиво, къ словамъ Тыранова, все же записку поднималъ. Развернулъ ее и... обомлѣлъ. Произошла метаморфоза, какая случалась съ Гоголевскимъ правителемъ канцеляріи при видѣ лица чиномъ его повыше: „съ Прометеемъ сдѣлалось такое превращеніе, какого и Овидій не выдумаетъ: муха, меньше даже мухи,—уничтожился въ песчинку“.

Происшедшая затѣмъ сцена примиренія купца съ городничимъ въ общемъ была хотя и очень трогательная, но едва ли она способна была бы у кого-нибудь вызвать слезу умиленія: слишкомъ много было для этого въ ней, съ одной стороны, торжества и самодовольства послѣ былого угнетенія, а съ другой—уничтоженій и пресмыкательства послѣ только что закончившагося метанія громовъ и молній. Послѣ,